

Н. В. Савельев-Ростиславич

Славянский сборник

Н. В. Савельева-Ростиславича

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. В. Савельев-Ростиславич**
Славянский сборник: Н. В. Савельева-Ростиславича / Н. В. Савельев-Ростиславич – М.: Книга по Требованию, 2013. – 554 с.

ISBN 978-5-518-09790-2

ISBN 978-5-518-09790-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПАМЯТИ

ЛОМОНОСОВА И ВЕНЕЛИНА,

ПАДШИХЪ ВЪ ВОРЬБЪ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ РУССКОЙ МЫСЛИ.

Non ex vulgi opinione, sed iudice rationis sanæ.
Васон.

«Не по общему мнѣнію, но по здравому смыслу.»
Воконъ.

Украшенный двойнымъ вѣнцомъ, славы и страданій, краснорѣчивый слѣпецъ, которымъ по справедливости гордится новѣйшая историческая школа Франціи, Тьерри, высказавъ литературныя свои убѣжденія, въ Предисловіи къ *Dix ans d'études historiques*, такъ заключилъ изображеніе своихъ идей и трудовъ историческихъ: «il y a au monde quelque chose qui vaut mieux que les jouissances matérielles, mieux que la fortune, mieux que la santé elle-même, c'est le *dévouement à la science*».

Да! любовь къ знанію, преданность наукъ, можетъ заставить забыть многое, всѣ обольщенія юности, всѣ вѣгоды жизни промышленно-общественной, особенно, когда предметомъ вашихъ занятій будетъ родина, цѣлью вашихъ трудовъ—возстановленіе передъ потомствомъ славныхъ подвиговъ предковъ, блистательныхъ дѣлъ, умниченно прикрытыхъ завистию чужеземцевъ...

Великій преобразователь Россіи, безсмертный Петръ, понималъ необходимость союза между *знаніемъ* и *народностію*: питая благоговѣніе къ отечественной Исторіи, онъ радовался, найдя Кенигсбергскій списокъ Несторовой лѣтописи, и первый возникла мысль о собраніи и напечатаніи древнихъ нашихъ лѣтописей и грамматъ; задумывалъ объ Академіи, онъ приглашалъ къ намъ ученыхъ иностранцевъ, но при каждомъ иностранцѣ велѣлъ быть друзьямъ Русскимъ, которые могли бы въ послѣдствіи быть разсудниками наукъ въ отечествѣ. Между тѣмъ, заботясь о

VI

Россіи, Петръ не забывалъ и нашихъ Славянскихъ братьевъ. Великая мысль Все-Славянства, въ новомъ мірѣ Россіи, принадлежитъ—какъ справедливо замѣтилъ С. П. Шевыревъ—Петру Великому: Государь-геній, онъ первый постигъ важность *родственнаго* отношенія между нами и другими племенами Славянскими. Во второй половинѣ своего царствованія онъ выражаетъ къ нимъ глубокое сочувствіе: въ манифестѣ войны 1711 года противъ Турокъ обнаруживается желаніе помочь нашимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ, которые стеноають подъ игомъ Турецкимъ, Грекамъ, Волохамъ, *Болгарамъ, Сербамъ*; въ томъ же году входитъ въ сношенія съ Черногорскимъ митрополитомъ Давидомъ, а въ 1715 году оказываетъ ему Царское гостепріимство и отправляетъ съ нимъ дружественную грамоту къ *Черногорскимъ Сербамъ* (1716); въ 1720-мъ году пишетъ къ Рагузинскому въ Прагу, поручая нанять ему для театра людей умѣющихъ по-Словенски или по-Чешски; въ 1722 г. посылаетъ къ Сербамъ церковную утварь, Богослужбеныя книги, учителей для языка Славянскаго и Латинскаго, а въ 1723 году приглашаетъ Сербовъ сѣсться на Русской границѣ, выразивъ ту замѣчательную мысль, что они конечно будутъ вѣрно служить Государю единовѣрному и единоплеменному (1). Такимъ образомъ, согрѣвая себя мыслию Все-Славянства, Петръ Великій постигъ важность Исторіи озаренной патриотизмомъ; желалъ возобновить передъ глазами обновленнаго славянскаго народа древнюю славу могущаго племени Славянскаго, безсмертный Преобразователь велѣлъ перевести съ Итальянскаго сочиненіе Мавроурбина, которое представляло довольно полную и — не смотря на младенчество тогдашней исторической критики—довольно вѣрную картину прошедшаго бытія Славянъ. Въ 1722 году явилась наконецъ «Книга Исторіографіи початія имене, славы и расширенія народа *Славянскаго*, и ихъ царей и владѣтелей *подъ многими имями*, и со многими царствіями, королевствами и провинціями. Собрана изъ многихъ книгъ историческихъ, чрезъ господина Мавроурбина, Архимандрита Рагужскаго. Переведена со Итальянскаго на Россійскаго языкъ, и напечатана повелѣніемъ и во время счастливаго владѣ-

(1) Москвитанинъ (1844), № 10, въ статьѣ «Академическія бесѣды въ 135 верстахъ отъ Москвы», рѣчь С. П. Шевырева, стр. 346 — 352, также въ «Сынъ Отечества» (1838 г.) статья Макаловича о Черногоріи, т. VI, отд. III, стр. 65—72.

віа Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, и протчая, и пр. и пр. въ Санктъи-тербургской Типографіи, 1722 году, Августа въ 20 день». И на первой же страницѣ Введенія, современники великаго Преобразователя читали: «Нікако же удивительно есть, что слава варода Славянскаго, нынѣ не такъ ясна, какъ онои додѣлю разславітіся по вселенній. Ежели бы сии народѣ, такъ достаточенѣ былъ людьми *учеными* и *книжными*, какъ былъ доволенѣ *военными* и превосходительными оружіемъ, тобъ ни єдинѣ другой народѣ во вселенній былъ въ примѣръ имени Славяскому. А что протчіе народы, которые *згло* *нижше* его, нынѣ *сєлми* себя *прославають*, то не ради чего иного, токмо чрезъ бывшихъ въ ихъ народѣ людей ученыхъ».

Путь прямой былъ указанъ—по нѣмъ не пошли.

Къ несчастію, первые наши «люди ученые и книжные» были не-Русскіе, не-Славяне: могли-ль они сочувствовать патриотическимъ намѣреніямъ Петра Великаго?

Великій Преобразователь Россіи уважалъ тѣхъ благородныхъ иноплемениковъ, которые съ усердіемъ посвящали свои труды Россіи, отрицались прежней народности и по *духу* становились истинно-Русскими; но видѣлъ онъ также и многихъ своскорыстниковъ, думавшихъ единственно о личныхъ выгодахъ. Очистить Россію отъ этихъ плевелъ, возросшихъ вмѣстѣ съ пшеницею, сдѣлалось любимою мыслію Петра Великаго. Изъ донесенія Кампредона Французскому Двору (отъ 30-го Января 1722 года) мы узнаемъ, что «Петръ Великій повелѣлъ всѣмъ дворянамъ, явиться въ Петербургъ—подъ опасеніемъ конфискаціи имѣнія нелвившихся, и лишенія благороднаго званія. Цѣль сего указа: узнать способныхъ на службу дворянъ и *заметнѣи* *или* *иностранныхъ*, коихъ Петръ хочетъ вскорѣ уволить отъ службы и отослать». (1)

Но Великій умеръ—и мысль его осталась безъ исполненія.

Люди, къ которымъ онъ питалъ глубочайшее презрѣніе, размножились. Въ благодарность Россіи, которая кормила ихъ и поила, они подарили Бироновщину (1730 ей—1740), тяготѣвшую надъ нашимъ отечествомъ до счастливаго воцара-

(1) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1843), ч. XXXVII отд. II: *Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго*, извлеченныхъ А. И. Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ и доиссѣй Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ. Статя II, стр. 169.

ршил дочери Петровой; крѣпкой Елизаветѣ, очистившей Русь отъ иноплеменниковъ и предуготовившей намъ въвѣ Екатерины Великой. Въ этотъ несчастный для Россіи періодъ господствованія Бирона, въ удобность спланнымъ превращеніямъ-иноземцамъ, явилась и система Скандинавскаго происхожденія Руси. Угрожаемые намъреніемъ Петра Великаго, но жалѣя разстаться съ гостепріимною Россіею, чужеземцы осуществили планъ — присвоить себѣ воспитаніе Русскаго юношества и съ самаго дѣтства внушать ему ту мысль, что Россія всѣмъ обязана не себѣ а чужеземцамъ, что имъ слѣдственно (а не намъ) принадлежитъ во всемъ первенство, и что даже первое сѣмя государственной жизни брошено у насъ чужеземцами.

Современникомъ Великому Преобразователю Россіи явился человекъ знаменитый на литературномъ поприщѣ, безсмертный рыбакъ Холмогорскій, который гениемъ своимъ въ Естественнѣмъ проникъ въ истины; раскрытыя только въ наше время соединенными усилиями Европейскихъ ученыхъ (3); котораго славный Эйлеръ равнялъ съ величайшими гениями (4); которому справедливо удвлялись лись Стокгольмская и Болонская Академію, почтившіе его званіемъ Члена; который преобразованиемъ Русскаго языка заслужилъ имя Отца нашей Словесности; и котораго заслуги не оценены только на Историческомъ поприщѣ... Рожденный въ сѣвѣгахъ сѣвера (1711), Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ провелъ всю жизнь въ борьбѣ съ судьбою и съ ненавистниками Россіянъ: «за то терплю», писалъ онъ въ памятной для себя запискѣ, «что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобъ выучи-

(3) Малкъ (1843, Января) томъ VII, глава III, статья Д. М. Перевощикова
«Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія о влеченіяхъ воздушныхъ», стр. 53—67.

(4) Вотъ что писалъ о трудахъ Ломоносова Эйлеръ: *Toutes ses piéces sont non seulement bonnes, mais très excellentes, car il traite les matiéres de la physique et de la chimie, les plus intéressantes, et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables, aux plus grands génies avec tant de solidité que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications. A cette occasion je dois faire justice à monsieur Lomonosoff qu'il possède le plus heureux génie pour découvrir les phénomènes de la physique et de chimie; et il seroit à souhaiter que toutes les autres académies fussent en état de produire des découvertes semblables à celle que monsieur Lomonosoff, vient de faire.* (Очерки Россіи, подъ редакціею Паскевича, кн. II, статья А. О. Вельтмана, «Портретъ служебной дѣятельности Ломоносова», стр. 6).

лись *Россіи*, чтобъ показали свое достоинство». — и какъ бы чувствуя приближеніе кончины, прибавилъ: «я не тужу о смерти — пожилъ, поторпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ двѣ отечества пожалѣютъ» (5); а передъ кончиною (4 Апр. 1765 г) говорилъ своему другу, Штелину: «на смерть взираю равнодушно; сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить начатаго для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Вижу теперь, что мои благія намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною» (6).

Къ Ломоносову можно вполне примѣнить сказанное Французскимъ историкомъ Мишлэ о трудахъ славнаго Вико: «его открытія не были оценены вродешнимъ вѣкомъ потому, что они относились къ нашему вѣку». Современники рѣдко бывають благодарны къ человеку, превышающему свой вѣкъ, особенно жъ, когда тутъ вмѣшается не-нависть... Ломоносовъ, благоговѣя къ памяти безсмертнаго Преобразователя Россіи, высоко цѣнили народность, и защищали дѣло Петра Великаго «чтобъ выучились *Россіи*», поэтому должны были ежедневно выдерживать нападенія: его раздражали, выводили изъ терпѣнія, ему во всемъ препятствовали — не только чужеземцы, но даже свои, Русскіе поклонники иностранцевъ. Года за три или за четыре передъ кончиною, Ломоносовъ благородно раскрылъ свою душу въ письмѣ къ Теплову (1761) и откровенно объяснилъ причину медленнаго развитія наукъ въ Россіи и жалкаго состоянія нашей Академіи. Упомянувъ, что уже «неоднократно представлялъ, словесно и письменно, о исправленіи застарѣлыхъ неурядковъ», Ломоносовъ говоритъ: «однако, не то мѣрѣ Монаршей къ наукамъ щедроты, впоследствии вали рѣшенія и успѣхи, затѣмъ, что не отнято *прежнее самовольство* недоброхотамъ приращенію наукъ въ *Россіи*. Никогда, отговаривался учинить прибавку жалованья профессору Штрубу, писали вы къ нему: L'Académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les regles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède. Кто же въ томъ виновать, кромѣ васъ и вашего непостоянства? Сколько разъ вы были другъ и недругъ Шумахеру, Тауберту, Мьллеру и; что удивительно, мнѣ. Въ томъ больше вы слѣдовали

(5) Очерки Россіи, кн. II, стр. 40.

(6) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, ч. III, біографія Ломоносова, стр. 197.

стремленію своей страсти, нежели общей Академической пользы, и чрезъ таковыя *повседневныя перемѣны* колебали какъ трость все Академическое зданіе: тотъ сегодня въ чести и въ милости, завтра въ позорѣ и упадкѣ; тотъ, кто высланъ съ безчестіемъ, съ честию назадъ призванъ.... Еще есть вамъ время обратиться на *правую* сторону. Я пишу нынѣ къ вамъ въ послѣдній разъ, и только въ той надеждѣ, что иногда примѣчалъ въ васъ и *добрыя* о пользѣ *Россійскихъ* наукъ мнѣнія. Еще уповаю, что вы не будете больше одобрять *недоброхотовъ Россійскимъ* ученымъ. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я снимъ ничего инаго не ищу, какъ только, чтобъ *закоренное несчастье Академіи* пресѣлось. Будежъ еще такъ все останется, и мои праведныя представленія уничтожены отъ васъ будутъ; то я забуду вовсе, что вы мнѣ нѣкоторыя одоженія дѣлали: за нихъ готовъ я вамъ благодарить приватно, по моей возможности. *За общую пользу*, а особливо за утверженіе наукъ въ отечествѣ, и *противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не стало*. И такъ нынѣ изберите любое: или одобряйте явныя *недоброхотовъ* не токмо учащемуся Россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги; одобряйте, чтобъ Академія чрезъ *ихъ* *противоборство* никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи, и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей и *рогачанъ* и *презрпнѣя*; — или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи, откиньте лыценія опасныхъ *противоборниковъ* наукъ Россійскихъ, не употребляйте *Божія дѣла* для своихъ *пристрастій*, дайте возрастать свободно *насажденію Петра Великаго*. Тѣмъ заслужите не только въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу... Что до меня надлежитъ, то я къ сему себя *посвятилъ*, чтобъ *до гроба моего съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться*, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину» (?).

Голосъ челоуѣка благороднаго, возставшаго на защиту *народности*, не нашель отклика между современниками: они увлечены были *пристрастіемъ* къ направленію исключительно западному. Не таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ постигалъ великое назначеніе Россіи; хотѣлъ, чтобы ея умствен-

(?) Очерки Россіи, кн. II, стр. 38 — 39.

ное возрастаніе было свободно отъ несвойственныхъ ей прививковъ, запечатлѣно народнымъ духомъ, проникнуто народнымъ характеромъ. Кичливые возгласы иноземцевъ о собственномъ достоинствѣ, неуваженіе къ имени Русскому и невѣріе ихъ въ способности Русскихъ, наполняли негодова-ніемъ пылкую душу патриота-ученаго, душевно преданнаго.

Отечеству.—Россіи предстояло гениемъ Ломоносова опередить Европу, въ половинѣ XVIII вѣка утвердить тѣ открытія, которыя составили славу нѣсколькихъ ученыхъ Естественспытателей конца XVIII и начала XIX вѣка: завистники гениа не допустили Россію обнаружить самостоятельность возрѣнія на Естествознаніе. Россія могла бы за полувѣка до Карамзина имѣть свою Исторію, произведеніе если не равное творенію славнаго Исторіографа, по крайней мѣрѣ несравненно лучшее всего того, что предшествовало «Исторіи Государства Россійскаго»: не доброжелательство враговъ Русскаго гениа лишило его средствъ совершить полезный трудъ. Кто же были эти враги Русскаго гениа? Иноземные гости и даже (стыдно сказать) свои соотечественники ⁽⁹⁾. «Намъ Русскимъ», писалъ Артемій Петровичъ Вольинской князю Урусову, «не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ, и съ-того сыты бываемъ» ⁽⁸⁾. Пользуясь такимъ несогласіемъ, чужеземцы-ученые рѣшились возвышать только тѣхъ, кто былъ ниже ихъ, не могъ бы затмить ихъ; давали ходъ только такимъ людямъ, какъ знаменитый

(8) Въ 1754 году Ломоносовъ просилъ Шувалова о переводѣ изъ Академіи въ Иностранную Коллегію, *гдѣ не менше могъ бы онъ принести пользы и чести Отечеству*. Въ 1759 году онъ писалъ къ нему же: *«мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели самъ я, не имая отъ моихъ недоброжелателей покоя*. Въ «Трудолюбивой» такъ называемой «Пчелѣ» напечатано о мозанкѣ весьма презрительно. Сочинитель того, Тредьяковскій, совокушилъ свое грубое незваніе съ *подлого злостію*, чтобы *моему ршенію сдѣлать политическое*. Здѣсь можно видѣть *цѣлый коммюнтъ*: Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ «Пчелу», Тредьяковскій далъ напечатать безъ моего удволенія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Превосходительство можете, сколько сіи люди дають мнѣ покоя, не престава *повреждать* мою честь и благополучіе при *есколькохъ слугахъ*. Умыслосердитель надо много, Милостивый Государь, *свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня осорили, не дають мнѣ простираться* далье въ полезныхъ и славныхъ моему отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія и проч.

(9) Энциклопедическій Лексиконъ, т. XI, въ статьѣ *Вольинскій*, стр. 464. Сравните мнѣніе Панина о Вольинскомъ въ *Запискахъ С. А. Порошина*, с. 74, 75.

Профессоръ Элоквенцин, преславный авторъ, Тилемахиды, Василий Кирилловичъ Тредьяковскій, типъ ученой бездарности, воловьего трудолюбія, мертвого подражанія, равнодушія къ высокимъ началамъ нравственно-политической любви къ отечеству и народности (*). Такие люди *нрави-*

(*) Петръ Великій ударилъ Тредьяковского по лбу и сказалъ: «взвѣный труженикъ!» Предсказаніе было вѣрно... Впрочемъ это бы еще не бѣда, если бы Тредьяковскій по крайней мѣрѣ сохранилъ благородство характера, а то его низость передъ чужеземцами и недоброхотство Русскимъ много вредилъ успѣху праваго дѣла. Замѣтивъ, что Ломоносовъ *портитъ языкъ*, замѣнилъ иностранныя слова Русскими, *мушкетерилъ и подымилъ*, почему и называть себя профессоромъ не *Брасно-прій*, какъ предлагалъ Ломоносовъ, но *Элоквенцин*... Въ отношеніи къ высшимъ, Тредьяковскій являлся совершенною противоположностью пылкому Ломоносову, которой смѣло писалъ своему начальнику, чтобы ожидать «отъ всѣхъ честныхъ людей и роптанія и презрѣнія». Бездарность Секретаря Академіи, Тредьяковского, соединена была еще съ низостью, готовностью вытерпѣть все. Когда готовились къ шутовской свадьбѣ въ ледяномъ домѣ, Кабинетъ-министръ, Артемій Петровичъ Вольтинскій послалъ кадета Кривичина за Васильемъ Кирилловичемъ, которому хотѣли заказать стихи на свадьбу. Это было 4 Февраля 1739 г. Дорбгою, кадетъ поссорился съ Тредьяковскимъ и пожаловался на него Кабинетъ-министру. Что же сдѣлать Вольтинскій, пусть разскажетъ самъ Василий Кирилловичъ (Москват. 1845, № 2, гл. IV, стр. 43-46): «Его Превосходительство началъ бить меня по обвинѣнщамъ, правое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что позволялъ чинить въ три или четыре пріема; потомъ «велѣлъ и оному кадету бить меня по обвинѣнщамъ публично». Василий Кирилловичъ вытерпѣлъ все, и только на другой день пошелъ къ Бирону «принасть къ ногамъ Его Святости». На бѣду несчастнаго стиходѣя, къ Бирону съ дѣлами явился тогда же и Вольтинскій. Онъ входитъ въ переднюю, а тамъ стѣнтъ «краснаго слога борный писецъ». . . Артемій Петровичъ шакорилъ друта плечами, «вытолкнулъ въ шею» и вручилъ одному сержанту отвезти злополучнаго шута въ маскарадную комиссію, а тамъ спать съ него шпагу и приказалъ взыскать ему 70 палокъ по голой спинѣ; потомъ, неудовольствительный какимъ-то отвѣтомъ Василья Кирилловича, велѣлъ закатить ему еще 30 палокъ. Секретарь Академіи вечаемъ подъ карауломъ, «твердя нашу стихи; хотя уже и не до стиховъ было, чтобы оныя прочесть въ потайной залѣ». Послеъ всего этого, уже на третій день, отпуская его изъ-подъ караула, Вольтинскій далъ ему на прощанье еще съ десятокъ ударовъ. . . Творецъ Тилемахиды» съелъ и это; уже въ Апрѣлѣ, герцогъ Биронъ сказалъ, между прочимъ, въ свой жалобной челобитной Императрицѣ, что Вольтинскій «не устыдился недавно *обругать побоями* нѣкотораго Секретаря Академіи Тредьяковского, въ его *серцозастахъ* покаялъ и тѣмъ оказалъ неуваженіе къ Государынь, а ему, владѣтельному Герцогу, нанесъ чувствительную обиду, уже извѣстную и при иностранныхъ дворахъ. И такъ Биронъ хлопоталъ совсѣмъ не о Тредьяковскомъ, а о